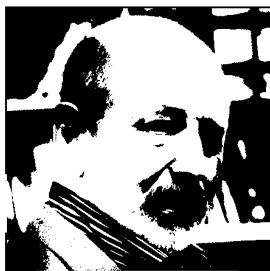

МИГРАЦИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПОНЯТИЕ И ЕГО ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: itkasavin@gmail.com

В статье выявляются возможности философской интерпретации понятия миграции на основе реконструкции его смыслов в науках. Понятие миграции фигурирует как эмпирическое обобщение и как метафора в разных дисциплинах. В первом случае речь идет о пространственном перемещении реальных живых субъектов, во втором – о динамике квазисубъектов (клеток, программ, идей). Для уточнения категориального статуса миграции предпринимается ее контекстуализация в процессе антропогенеза. Отсюда выводится тезис об архетипичности миграции как онтологической рамки ключевых событий возникновения человека и как фермента социокультурного развития вообще (Э. Кассирер). Проясняются возможности выявления структуры миграции как путешествия и приключения (А.Н. Уайтхед), выступающих в форме неравномерного развития и повторения изначального события. Формулируется парадокс ее легитимации. Внеаходимость философа (М. Бахтин), амбивалентность философии (Т.И. Ойзерман) есть обнаружение философа как сталкера между мирами.

Ключевые слова: понятие миграции, субъект познания, антропогенез, путешествие и приключение, медиация, природа и функция философия

MIGRATION: AN INTERDISCIPLINARY CONCEPT AND ITS EPISTEMOLOGICAL DIMENSIONS

Ilya T. Kasavin – DSc in Philosophy, professor, correspondent member of the Russian Academy of Sciences, head research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 7 Universitetsky lane, 603000, Nizhni Novgorod, Russian Federation; e-mail: itkasavin@gmail.com

The article tends to clarify the possibilities of philosophical interpretation of migration concept in terms of its meanings in the sciences. The concept of migration appears as an empirical generalization and as a metaphor in different disciplines. In the first case, one dwells upon moving of the real living agents in space, in the second one it deals with the dynamics of quasi-agents (cells, programs, ideas). In order to clarify the conceptual status of migration, the author undertakes its contextualization in the process of anthropogenesis. Hence the archetypical character of migration is displayed as ontological framework of key developments of the emergence of the humans and as catalyst of socio-cultural development in general (E. Cassirer). The paper clarifies the possibility of identifying the structure of migration as a journey and adventure (A.N. Whitehead) in the form of uneven development and recurrence of the original event. The paradox of its legitimation is formulated. Philosopher's "vnenahodimost" (M.M. Bakhtin), the ambivalence of philosophy (T.I. Oiserman) is the discovery of the philosopher as a stalker between the worlds.

Keywords: the concept of migration, knowing agent, anthropogenesis, journey and adventure, mediation, the role and function of philosophy

Поводом для внимания к данной теме явился двадцатилетний юбилей статьи автора этих строк «Человек мигрирующий: онтология пути и местности» [Касавин, 1997], заслужившей внимание читателя. В статье был поставлен вопрос о миграции, с одной стороны, как философском понятии, выражающем существенные черты природы человека, и, с другой стороны, как понятию междисциплинарном, обязанном исторической географии, культурной антропологии, истории. Выяснилось, что понятие миграции сопрягает две фундаментальные философские категории – субъекта и пространства – и особым образом проблематизирует место человека в мире. Вместе с тем общественная (в том числе и международная) ситуация претерпела за прошедшие двадцать лет заметные изменения. И если ранее понятие миграции резонировало с открытием России внешнему миру и ростом космополитических настроений, то сегодня со словом «мигрант» связываются (в нашей стране и за рубежом) негативные последствия глобализации. Одновременно культурная миграция как поиск национальной философской традиции уступает место конструированию традиции на собственном основании. Идеи прогресса и креативности начинают проигрывать в конкуренции идеям консервативного типа. К столетию Октябрьской революции из ее названия постепенно исчезает эпитет «Великая», и эволюционный сценарий общественного развития становится безальтернативным. Смелые открытия, изменяющие научную картину мира, уходят в тень коммерческих инноваций технаучки. Все это – предвестники заката эпохи и приближения цивилизационного перелома, в котором понятие миграции обретает новую актуальность.

Обобщение или метафора?

Философией и конкретными науками предложено и разработано множество концепций, моделей и даже теорий развития применительно к природе, обществу, культуре и сознанию. Космологические, биологические, исторические и психологические подходы широко известны и вводят в оборот ряд понятий, обладающих определенными объяснительными возможностями. «Большой взрыв», «точка бифуркации», «эволюция», «цикличность», «прогресс», «адаптация», «кризис» из их числа. Философия науки, в свою очередь, смоделировала процесс развития научного знания, используя такие понятия, как «кумулятивизм», «смена парадигм», «пролиферация». В значительно меньшей степени известны и отрефлексированы концепции, в которых модель развития построена на понятии миграции. Однако оно явно претендует на универсальность и потому заслуживает особого осмысления.

Миграция обнаруживается в качестве научно-эмпирического общения (демография, социология труда, административное право, экономика расселения и туризма, социальная и историческая география, этология, теория международных отношений). Это понятие говорит о пространственном перемещении индивидов и групп, отвечающем определенным критериям.

Одновременно миграция выступает как концептуальная метафора, используемая в ряде наук (генетика, геофизика, геохимия, программирование, культурология, философия). В данном случае мы имеем дело с квази-субъектом: перемещаются гены, хромосомы, ионы, частицы, пласты, программы, идеи, концепции, при этом понятие пространства также иной раз претерпевает определенное метафорическое расширение.

Медицина дает репрезентативный пример смешения категориально-го и метафорического употребления термина «миграция». Так, в энциклопедической статье [Миграция, 1991–96] *миграция трактуется как:*

- перемещение в тканях подвижных клеточных элементов;
- пассивное или активное перемещение животных-паразитов из одних частей организма в другие;
- перемещение инородных тел в организме током крови и (или) лимфы и под действием силы тяжести;
- распространение патологического процесса в ближайшие и отдаленные от первичного фокуса участки органа или ткани.

Анализ показывает, что науки, которые используют метафору миграции, не вкладывают в этот термин никакого существенного содержания, помимо перемещения, причем термину «пространство», обозначающему сферу миграции, также придается метафорическое, расширительное значение. И напротив, науки, исследующие миграцию как эмпирический феномен, стремятся определить ее конкретных акторов, выявить мотивы, средства, цели, формы и исторические типы, отличить ее от сходных явлений (мобильности, перемещения), сформулировать критерии выделения миграции как наблюдаемого явления. Вместе с тем эта работа не выходит за пределы эмпирических обобщений. Как таковой обоснованной и разработанной теории миграции до сих пор не создано. На фоне использования термина «миграция» большой группой наук возникает вопрос о возможности и необходимости общенаучной теории миграции, с одной стороны, и собственно философской концепции миграции, с другой.

Мой главный тезис состоит в том, что понятие миграции может служить основой для частной модели развития, ограниченной сферой живой природы и общества, а ее универсальная экстраполяция находится под большим сомнением. Одновременно миграционная метафора схватывает некоторые существенные черты собственно философского дискурса и философствующего субъекта.

Миграция как событие и архетип

Кантовский вопрос «Что такое человек?» может находиться в фокусе философии лишь тогда, когда в природе человека усматривается неустранимая специфика и нередуцируемость к социальным или биологическим факторам. Э. Кассирер указывает на главное свойство человека, позволившего ему выделиться из окружающего мира и занять в нем особое место: «Человек оказывается существом, которое постоянно ищет само себя, которое в каждый момент жизни испытывает и перепроверяет условия своего существования» [Кассирер, 1988, с. 4.]. Этим свойством выступает способность произвольно покидать освоенную экологическую нишу и самостоятельно обустроиваться на другом месте. Человек – это проект, который сам себя проектирует, утверждали философы-экзистенциалисты, это его изначальное родовое свойство. Отсюда исходная гипотеза исследования гласит, что это свойство обязано ключевым моментам антропогенеза, которые сформировали параметры человеческого тела, деятельности, коммуникации и сознания, архетипические с точки зрения всей известной истории человека. А эта история берет начало с того растянутого во времени момента, когда приматы определенного вида или видов покинули деревья, вступили в саванну, обрели прямохождение и отправились в северо-восточном направлении вслед за перемещением вегетации и травоядных животных. Начало антропогенеза является событием миграции: формирующийся человек покинул свою удобную экологическую нишу и сделал это *заранее*, хотя он мог бы еще долго конкурировать с другими приматами за ресурсы. Подчеркнем, что миграционный характер этого события не в том, что некоторые приматы следовали на север вместе со стадами копытных (так поступают многие хищники), а в том, что они радикально изменили свой образ жизни: сменили оседлость на миграцию.

Выпадение человека из экологической ниши является фактом, не требующим обоснования, – это одна из случайностей, которыми богат процесс происхождения видов. В ее основе могли лежать мутации, изменения климатических условий, космические явления и т. д. – одно или несколько обстоятельств, находящихся за пределами человеческой власти и в этом смысле имеющих внеисторический, чисто природный и потому для человека случайный характер. Эти обстоятельства представляют интерес не только для естествоиспытателей, но и для философов именно потому, что результат их воздействия имел уже не чисто биологическую, а историческую природу. Он *сделал историю*: человек не только не вымер как вид, но и не переместился в другую удобную экологическую нишу. Отныне он стал лишь *постоянно перемещаться* из одной ниши в другую, отча-

сти копируя сезонные миграции кочующих животных и постепенно приступая к строительству и перестройке такого рода ниш, созданных по собственному плану.

Если тезис об архетипичности миграции верен для понимания мира человека, то целый ряд прорывных моментов антропогенеза может быть истолкован как развертывание этого архетипа. Таковы трансформация черепа неандертальца с мощными челюстями и выраженными надбровными дугами к яйцеобразному черепу кроманьонца; переход от бедного в фонетическом отношении языка неандертальцев к языку кроманьонцев, в котором присутствуют все основные звуки современных языков; добывание огня; скотоводство; радикальное совершенствование методов изготовления каменных орудий; формирование магической практики и мировоззрения.

Так, применительно к возникновению человека и сознания ведутся поиски т. н. положительной обратной связи, позволяющей запустить механизм эволюции. Ученые показали, во-первых, как связаны между собой появление высокой глотки, развитие коммуникативной функции языка и усложнение коллективных форм поведения. Во-вторых, аналогичная связь обнаружена между формированием асимметрии мозга, развитием орудийной деятельности и совершенствованием орудий труда. И то, и другое может успешно объясняться в рамках современной биологии, нейропсихологии, психолингвистики и этнографии, опирающихся, в свою очередь, на физические и химические законы. Однако *совпадение* этих процессов во времени не может, казалось бы, объясняться никакой наукой и потому является случайным. Ни структура мозга, ни природа языка, ни характер орудийной деятельности или коллективного поведения не могут служить достаточным исходным пунктом для запуска всего процесса возникновения современного человека. И лишь тогда одновременное развитие этих феноменов уже не кажется случайным, как скоро они сами оказываются частями единого сложного процесса – процесса человеческой миграции, выступающего катализатором ряда цепочек положительной обратной связи.

Путешествие и приключение. К структуре миграции

Метафорическая трактовка миграции чревата ее банализацией, когда смысл этого понятия сводится к монотонному перемещению или мобильности. И напротив, ученые, эмпирически исследующие феномен миграции, часто указывают на нетождественность этих понятий. Ключевым признаком миграции является именно *переход*

границы между мирами, а постоянная миграция – это реитерация (повторение, воспроизведение) такого перехода. В этом смысле это не только путе-шествие, но и приключение (пере-ключение), т. е. движение, характеризующееся принципиальной неравномерностью. Однако вопрос о структуре миграции сталкивается с принципиальной трудностью, похожей на ту, с которой встретился Т. Кун, назвав свою книгу «Структура научных революций». Возможна ли рационалистическая концепция развития при том, что она должна дать объяснение «недодетерминистическому» возникновению нового? Ведь если новое детерминировано старым, дедуктивно выводится из него, то его новым не назовешь. Обоснование всякой новизны требует феноменологического описания, к которому едва ли применимы стандартные рационалистические критерии ясности, простоты, системности, полноты и т. п. Можно ли в таком случае говорить о структуре миграции, если структура есть нечто ставшее, а миграция – образ самой изменчивости?

Примером парадоксов, которые возникают при попытках выделить структуру миграции, является решение вопроса о начале миграции и роли лидера. Для того, чтобы подвинуть сообщество на миграцию, лидер должен иметь авторитет, быть лучшим среди равных и образцом для подражания [Бараш, 2017]. Одновременно он должен быть гарантом сплоченности сообщества, в противном случае миграция раскалывает его на тех, что остается, и тех, кто уходит, со всеми вытекающими последствиями. Но лидер или вождь, который завоевал авторитет в рамках некоторой экологической ниши и практики стандартных ситуаций, едва ли способен повести людей в неизведанные дали. Этот лидер не может быть по определению легок на подъем. Иное дело – шаман, который регулярно путешествует в мир духов, или иной харизматический лидер, авторитет которого обязан иррациональной вере, мифам и пропаганде. Такой может повести народ куда угодно, но в таком случае раскол сообщества неминуем, если в нем остаются здравомыслящие люди. Итак, миграция не имеет шансов состояться вообще, или она приведет, скорее всего, к трагическим последствиям, и, следовательно, не будет подлинной миграцией, поскольку не может более повториться. Однако успешная миграция является эмпирическим фактом, который едва ли подлежит рациональному объяснению или реконструкции. А если нет рационального понимания, то данный факт не может быть адекватно оценен как свидетельство миграции. И так далее.

Парадоксальность, логическая невозможность миграции, невозможность ее совмещения с набором социальных правил, являющихся функцией оседлого существования, есть форма рационального осмысления некоторого реального факта. Этот факт состоит в том, что запрет миграции выступает третьим фундаментальным табу тради-

ционного общества (наряду с запретом инцеста и убийства кровного родственника). Изгнание, инициирующее миграцию, в традиционных и современных обществах сопоставляется с биологической или социальной смертью. Запрет на миграцию тождествен запрету на развитие и творчество. Они угрожают единству цивилизации, будучи сформулированы и культивируемы в качестве фундаментальных ценностей.

Однако всякое табу предполагает и факт его нарушения, который делает табу необходимым. Радикальные цивилизационные сдвиги, несмотря ни на что, случаются. А.Н. Уайтхеду принадлежит замечательная фраза: «Быстрые переходы к новым типам цивилизации возможны лишь тогда, когда мысль опережает реализацию. Энергия наций устремляется вперед к новым приключениям воображения, предвосхищая физические приключения исследования. Возникает мир мечты, с тем чтобы в соответствующий момент дать толчок к действию. Всякое физическое приключение, предпринимаемое с заранее поставленной целью, опирается на приключение мысли, грезящей о нереализованных вещах» [Уайтхед, 1990, с. 684]. Миграция как нереализованная и запретная мечта – вот что выражают собой путешествия и приключения богов и героев греческого мифа и эпоса. Герои путешествуют в поисках драгоценных предметов, в погоне за злодеями и чудовищами, находясь на пути к оракулу или пребывая в изгнании. Два образа, которые они часто принимают, это образы скотовода и мореплавателя. Зевс и Гермес, Геракл и Диоскуры, Одиссей и Язон – лишь немногие из примеров знаменитых пастухов и мореходов. Соединение этих двух образов неслучайно. Их единство обнаруживает себя в реальной жизни древних греков и в фундаментальных мифических архэ. Здесь легитимация миграции происходит лишь в сакральном мире, удаленном от мира повседневности.

В рамках самой миграции, поскольку всякий раз происходит выход за границы, легитимация не успевает за своим объектом. Незавершенность не поддается легитимации как представлению в качестве правила. Архетип миграции легитимируется лишь при ее окончании. Это происходит *post factum* в форме воспоминания, нарратива о миграции, которая завершилась. Легитимация возникает как продукт оседлости. Она возвеличивает миграцию, представляя ее как дело богов и героев и тем самым как нечто невозможное для человека. Миграционный архетип закрепляется в форме табу. Палуба корабля – яркий пример и парадоксальный образ легитимированной миграции: движущееся неподвижное. Опровержение движения Зеноном – эмблема и отзвук этого запрета.

Эмпирические измерения миграции: экология и структура

Во всякой миграции можно выделить, по крайней мере, два аспекта. Э. Эванс-Причард писал об экологическом пространстве и времени как характеристиках бытия и сознания африканского племени нуэров [Эванс-Причард, 1985]. Первый из них произведен от функции в жизнеобеспечении людей. Собирательство, охота, скотоводство требуют кочевья, экстенсивное земледелие – расширения пахотных земель. Торговля вынуждает строить корабли и собирать караваны, завоевательные войны – организовывать походы и бежать от завоевателей. Это экологическая ценность миграции – она определяется преодолением препятствий и открытием новых путей. Преодоление требует гетерогенной онтологии, с одной стороны, и универсальности путешественника – с другой. Путь осмыслен при допущении о существовании иных пространств, сближение и коммуникация которых является его конечной целью. Путешественник же выступает как практический энциклопедист, обладающий многообразными знаниями и умениями и способный их применять в новых для него ситуациях. Разжечь огонь без спичек и сориентироваться на местности без компаса – лишь самые скромные из его возможностей. Он не только воин, практический физик и биолог, но в еще большей степени – антрополог и лингвист, знаток чужих обычаев и языков, способный не только выжить во враждебной природе, но и достичь взаимопонимания с чужими народами.

В силу этого понимание миграции как пространственного перемещения есть лишь геометрическая абстракция реального пути как изменения самого пространства. По мере прокладывания дорог из одного пространства в другое изменяется роль и значение этих пространств в человеческой жизни, претерпевает изменение реальный ландшафт человеческого мира: дороги выпрямляются, горы становятся ниже, моря – спокойнее, пустыни – меньше, поля – обширнее.

Второе, структурное измерение миграции состоит в установлении темпа и ритма (ускорение и торможение, восхождение и спуск, смена способов движения, периодичность остановок и стоянок), задающих этапы продвижения по шкале социальных возрастов и культурных ценностей (социализация и личностный рост). Время и расстояние являются при этом лишь двумя из целого ряда координат пути наряду с познанием, нравственным очищением, обретением силы, обогащением (все это с той или иной долей успешности моделируется в современных приключенческих компьютерных играх).

Такое понимание миграции дает целый ряд категорий, используемых, в том числе, и науками. К ним принадлежат, например, понятия центростремительного и центробежного движения, понятия ландшафт-

та и рельефа, образы звездного неба, многообразие животных и растений. Здесь же и известная символика пути, в которой мир выступает как лестница: «подъемы» и «стоянки» (места, более и менее пригодные для существования, имеющие различное назначение). Отсюда и векторная структура мира с целью назначения на финише, а также циклическая, пульсирующая структурированность мира, прямо пропорциональная близости «стоянки», т.е. временной оседлости, в которой замирает миграция. Путь характеризует мужская символика с образом стрелы как совершенства. Расчет равномерного пути как последовательное разложение его на этапы порождает аналитическое мышление. Поиск, перемещение с постепенным приращением знания, неравномерное движение требуют уже эмпирически-индуктивной логики, позволяющей присоединять новое к старому, мыслить приближенными, неточными категориями, использовать аналогии. Основными ценностями, культивируемыми в ходе миграции, становятся сам поиск и его цель, которая в полной мере остается недостижимой.

Понятие знания

Понятие миграции предоставляет онтологическую рамку для категории «знание». Едва ли не единственным представлением о знании, которое сохраняется в течение всей истории человечества, является его образ как коммуникации [Антоновский и др. 2016] или «рассказа», повествуемого «возвратившимся из странствия» субъектом. Такой образ знания соответствует, по крайней мере, нескольким важнейшим концептуальным системам: шаманизму (знание как результат магического странствия), философии Платона (подлинное знание как воспоминание о странствии в мире идей), христианству (знание как результат спасения, т.е. движения от мира к Богу), алхимии (познание как восхождение от «несовершенных» металлов к «совершенным»), философии Декарта (познание как движение по пути метода), философии Гегеля (познание как путь диалектического синтеза). Для многих исторических эпох «знающий» и «много путешествовавший», «много повидавший» человек были синонимами.

Основные эпистемологические категории истолковываются в таком случае не просто как позиции рефлексии, но как онтологические задачи, предполагающие некоторое место в определенной онтологии и определенную векторность. Они приобретают тем самым новое, бытийственное измерение, а их формулировка и использование становятся не произвольным, но достаточно серьезным и ответственным делом. Из этого вытекает и оправдание традиционного статуса философии. Она уже не просто игра в бисер, не просто перебор культурных мозаик,

но вновь, как было издавна, описание и проектирование мира человека и «навигации» в этом мире. Такой миграционный подход к категориям познания не только не отменяет традиционную задачу философии, но способствует ее реализации, будучи по существу методом реконструкции основных измерений человеческого мира [Столярова, 2017].

Назначение философа – свобода

Сверхзадача философского дискурса о миграции – это концептуализация феномена свободы, проективности человеческого бытия. Философия изначально моделирует миграцию, разрабатывая дуалистическую онтологию бытия и небытия, сущности и явления, наличного и должного, знания и мнения. Такая амбивалентная онтология [Ойзерман, 2011] предполагает высокую когнитивную напряженность, а также рефлексивные и практически-духовные усилия по наведению мостов между ее полюсами.

Философ оказывается сталкером между этими мирами, уходящим в неведомое из мира повседневности, приносящим волшебные предметы из сакрального мира и нигде не обретающим своего собственного места. Как пишет Г. Шпет, «философия всегда – тревога, всегда – притязание, всегда – беспокойство, – философ не имеет пристанища; и в этом самая большая ценность философии – свобода» [Шпет, 2005, с. 176]. Эта «внеаходимость» [Бахтин, 2003, с. 96] – родовое качество мигранта, шамана, торговца, путешественника, медиатора, философа. Они оставляют следы на культурных проселках, по которым позже прокладывают магистрали.

Список литературы

Антоновский, 2016 – Антоновский А.Ю. и др. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности // *Вопр. философии*. 2016. № 1. С. 17–42.

Бараш, 2016 – Бараш Р.Э. и др. «Истина» и «власть» как категории социальной философии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. № 5. С. 120–134.

Бахтин, 2003 – Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Яз. славян. культуры*, 2003. С. 69–264.

Касавин, 1997 – Касавин И.Т. Человек мигрирующий. К онтологии пути и местности // *Вопр. философии*. 1997. № 7. С. 74–84.

Миграция, 1991–96 – Миграция // *Малая мед. энцикл. М.: Мед.энцикл.*, 1991–96 гг. URL: http://www.rubricon.com/mme_1.asp (дата обращения: 15.09.2017).

Ойзерман, 2011 – *Ойзерман Т.И.* Амбивалентность философии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. 400 с.

Кассирер, 1988 – *Кассирер Э.* Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс. 1988. С. 3–30.

Столярова, 2017 – *Столярова О.Е.* Возвращение метафизики как факт // Вопр. философии. 2017. № 8. С. 113–123.

Уайтхед, 1990 – *Уайтхед А.Н.* Избр. работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 720 с.

Шпет, 2005 – *Шпет Г.Г.* Явление и смысл // *Шпет Г.Г.* Мысль и Слово. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2005. 688 с.

Эванс-Причард, 1985 – *Эванс-Причард Э.* Нуэры. М.: Наука, 1985. 243 с.

References

Antonovski, A. Yu. “Sistemno-teoreticheskii podhod k ob'yasneniyu sotsial'noi real'nosti” [Systematic Theoretical Approach to the Explanation of The Social Reality. Philosophical or Sociological Methodology?], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 1, pp. 17–42. (In Russian)

Bakhtin, M. M. “Avtor i geroi v esteticheskoi deyatel'nosti” [Author and hero in aesthetic activity], in: Bakhtin M. M. *Collected papers in 7 vols.* Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003, pp. 69–264. (In Russian)

Barash, R. E., et.al. “‘Istina’ i ‘vlast’” kak kategorii sotsial'noi filosofii” [“Truth” and “authority” as categories of social philosophy], *Monitoring of public opinion : economic and social changes*, 2017, no. 5, pp. 120–134. (In Russian)

Cassirer, E. “Opyt o cheloveke: Vvedenie v filosofiyu chelovecheskoy kul'turi” [An Essay on Man. An Introduction to a Philosophy of Human Culture], in: Gurevich P. S., Popov Yu. N. (eds.). *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [Problem of a Man in Western Philosophy]. Moscow: Progress. 1988, pp. 3–30. (In Russian)

Evans-Pritchard, E. *Nuery* [Nuer]. Moscow: Progress, 1985. 243 p. (In Russian)

Kasavin, I. T. “Chelovek migriruyushchii. K ontologii puti i mestnosti” [A man of migration: on the ontology of way and locality], *Voprosi filosofii*, 1997, no. 7, pp. 74–84. (In Russian)

Migratsiya [Migration], in: *Malaya meditsinskaya entsiklopediya, 1991–96.* [http://www.rubicon.com/mme_1.asp, accessed on 15.09.2017] (In Russian)

Oiserman, T. I. *Ambivalentnost' filosofii* [Ambivalence of philosophy]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya, 2011. 400 pp. (In Russian)

Shpet, G. G. *Yavlenie i smysl* [Phenomenon and meaning], in: Shpet G. G. *Thought and Word. Selected papers.* Moscow: ROSSPEN, 2005. 688 pp. (In Russian)

Stoliarova, O. E. “Vozvrashchenie metafiziki kak fakt” [The return of metaphysics as a fact], *Voprosy filosofii*, 2017, no. 8, pp. 113–123. (In Russian)

Whitehead, A. N. *Izbrannie raboty po filosofii* [Selected Papers on Philosophy]. Moscow: Progress, 1990. 720 pp. (In Russian)